

Луи Буссенар

Сила факира

Луи Анри Буссенар

Сила факира

Аннотация

«Как-то раз меня с моими пятью спутниками в тропическом девственном лесу застигла ночь. Я немного было струсил, но, видя, что мои спутники (кайенские негры Морган и Даниель, индийские факиры Сами и Гроводо и китаец Ли) относятся к этой ночевке в лесу совершенно равнодушно, постарался тоже успокоиться.

Мы выбрали небольшую поляну, окруженную громадными вековыми деревьями, точно гигантскими колоннами, переплетенными сетью лиан и гирляндами чудных орхидей и других ярких цветов самых причудливых форм. Здесь мои спутники развели костер и на одном из деревьев повесили для меня гамак. К несчастью, наша провизия истощилась; оставалось только немного риса да несколько сухих плодов. Этого было вполне достаточно для моих непряхотливых спутников, но никак уж не для меня, цивилизованного европейца, привыкшего питаться мясом. Правда, китаец Ли, исполнявший в моей свите обязанности повара, предлагал мне еще днем, когда мы проходили вдоль реки, поймать для меня черепаху, маленького крокодилчика или пару хорошеньких змеек из тех, которые водятся около воды, но я отказался от всех этих „лакомств“...»

Луи Буссенар

Сила факира

Источник текста: «Двадцатый век», 1913, № 3.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Как-то раз меня с моими пятью спутниками в тропическом девственном лесу застигла ночь. Я немного было струсил, но, видя, что мои спутники (кайенские негры¹ Морган и Даниель, индийские факиры Сами и Гроводо и китаец Ли) относятся к этой ночевке в лесу совершенно равнодушно, постарался тоже успокоиться.

Мы выбрали небольшую поляну, окруженную громадными вековыми деревьями, точно гигантскими колоннами, переплетенными сетью лиан и гирляндами чудных орхидей и

---

¹ т. е. из Французской Гвианы в Южной Америке.

других ярких цветов самых причудливых форм. Здесь мои спутники развели костер и на одном из деревьев повесили для меня гамак. К несчастью, наша провизия истощилась; оставалось только немного риса да несколько сухих плодов. Этого было вполне достаточно для моих непритворливых спутников, но никак уж не для меня, цивилизованного европейца, привыкшего питаться мясом. Правда, китаец Ли, исполнявший в моей свите обязанности повара, предлагал мне еще днем, когда мы проходили вдоль реки, поймать для меня черепаху, маленького крокодильчика или пару хороших змеек из тех, которые водятся около воды, но я отказался от всех этих «лакомств».

Ночь наступила мгновенно и раньше, чем можно было ожидать, потому что с запада надвигалась громадная черная грозовая туча, быстро затянувшая весь небосклон.

Где-то в отдалении слышались крики, вой и рев зверей, то есть тот ужасающий ночной концерт дремучих индийских лесов, от которого у меня тотчас же поднялись дыбом волосы, на лбу выступил холодный пот, зубы стали выбивать барабанную дробь, а в жилах застыла кровь. Я впервые тогда находился ночью в девственном тропическом лесу – в этом царстве хищных зверей, поэтому немудрено, что я так скверно себя чувствовал.

– Саиб, – раздался возле моего уха мягкий, проникающий в душу голос индуса Сами, молодого красавца со жгучими пронзительно-черными глазами на бледном лице, – не тре-

вожесья, пожалуйста, эти звери если и подойдут сюда, то вреда тебе никакого не сделают.

– Понятно, – воскликнул я с напускной храбростью, а у самого, как говорится, душа уходила в пятки, – ведь у нас есть ружья! Мое ружье даже такое, что из него сразу можно уложить несколько львов и тигров, – хвастливо добавил я, думая удивить этим «дикаря».

Но тот только пожал плечами, усмехнулся и проговорил:

– О сайб, что значат твои ружья против рати зверей под предводительством льва!.. Слышишь, они все идут сюда?.. Но, повторяю, не бойся. Брось свои ружья: они бесполезны; я остановлю всех зверей и без оружия.

Концерт, в самом деле, с каждой минутой становился громче; слышался уже и треск сухих сучьев, ломавшихся под ногами животных; не слышно было только топота ног, потому что стремившиеся к нам животные были из тех, что на ходу почти не касаются земли, а точно носятся над нею.

Вдруг пламя нашего костра со страшным треском высоко взметнулось и, поднимаясь в течение нескольких секунд все выше и выше, так же внезапно погасло. Я все-таки успел разглядеть, что негры и китаец, растянувшись на траве, крепко спали. ГрОВОдо, весь как-то сжавшись и закрыв лицо руками, молча сидел под деревом, а что касается Сами, то он стоял около этого дерева совершенно неподвижно, скрестив на груди руки и устремив свои большие сверкающие глаза в глубину леса.

Между тем рев и вой становились прямо-таки оглушительными; мрак сделался такой, что, как говорится, хоть глаз выколи; только глаза Сами горели в этом мраке как раскаленные угли. Я провел рукою по лбу и даже ущипнул себя, чтобы удостовериться, что я не сплю и не сделался жертвою кошмара; но вскрикнуть или сказать что-нибудь я не мог; язык мне не повиновался. Для внушения себе бодрости я хотел было закурить сигару и стал доставать из кармана портсигар и спички.

– Саиб, – сказал мне в это время Сами, – ты сейчас будешь не в состоянии поднять руку, Но ты не бойся этого: когда будет нужно, ты снова получишь способность владеть руками.

Я про себя улыбнулся, вынул сигару и коробок спичек. Взяв сигару в рот, я зажег спичку и хотел поднести ее ко рту, чтобы прикурить, но рука и вправду оказалась точно свинцовая и тяжело опустилась вдоль тела, пальцы как бы онемели, спичка из них выскользнула, упала на землю и погасла. Потом я не только не мог поднять руку или ногу, но не мог даже пошевелиться.

– Что, саиб, разве не говорил я тебе, – опять слышался голос индуса. – Возьми теперь ружье и попытайся выстрелить, – продолжал он. – Рука твоя будет действовать, но курка у ружья ты не спустишь.

В самом деле, я вдруг почувствовал, что вновь получил способность двигать всеми своими членами. Схватив лежавшее около меня ружье, я приложил его к плечу и хотел на-

жать на курок; однако он не двинулся с места, несмотря на все мои усилия.

Я положительно оцепенел от удивления и ужаса. Прямо передо мною горели глаза индуса; кругом слышался оглушающий концерт зверей, треск валежника, и всюду сверкали многочисленные красные, желтые и зеленые огненные шарики.

Я понял, что вокруг нас, точно прикованные к земле, стоят страшные звери, удерживаемые властным взглядом одного человека.

Картина была до такой степени страшная, что, право, не знаю, как я еще остался жив!

Вероятно, Сами понял, что мне не вынести долго этого ужасного состояния, поэтому он вдруг испустил короткий резкий крик; сверкавшие повсюду огненные шарики внезапно исчезли, рев, вой и треск валежника, умолкшие было на минуту, возобновились, и костер снова вспыхнул. Вскоре, однако, весь этот шум затих. Сами подошел ко мне и с улыбкою сказал:

– Ну, саиб, ты можешь теперь совершенно успокоиться: звери сюда больше не придут. А видишь вон там на дереве, над твоею головой, обезьяну? Она из той породы, мясо которой белые употребляют в пищу. Ты ведь голоден, саиб?

– Да, – ответил я. – Я сейчас застрелю ее.

Я поднял ружье и прицелился в обезьяну. Но индус остановил меня.

– Не трудись, саиб. Я сейчас покажу тебе еще кое-что...
Смотри! – прибавил он, указав на дерево, где сидела большая черная обезьяна.

Я поднял глаза и увидел, как животное с заметным ужасом смотрело прямо в глаза Сами. Вдруг он сделал какое-то неуправляемое движение рукою, обезьяна испустила громкий болезненный крик и тяжело рухнула на землю, прямо к моим ногам. Я подошел и взглянул на нее; она была мертва.

– И ты много можешь делать таких... фокусов? – спросил я у индуса, когда прошла первая минута изумления.

– Много, саиб, – ответил тот.

– А не можешь ли ты мне объяснить... – начал было я.

– Нет, саиб! – поспешно перебил он.

По тону его голоса я понял, что настаивать бесполезно, и замолчал.

Мой повар-китаец зажарил хороший кусок обезьяньего мяса, которое показалось мне довольно вкусным. Утолив голод, я улегся в свой гамак и благополучно проспал до утра. Утром мы продолжили свой путь.